

ПРОЛОГ

Он никогда бы не подумал, что все ТАК закончится. Столько сил потрачено, столько труда вложено, и удача, казалось, уже поворачивалась лицом...

Он привык все держать под контролем, и вот, совершенно неожиданно, вожжи выскользнули у него из рук, как этот подоконник, за который он цеплялся даже не пальцами — ногтями, слыша, как они обламываются один за другим с оглушительным треском. Все, что он считал незыблемым, рушилось — прямо здесь, прямо сейчас. Ему всегда казалось, что перед смертью человек вспоминает прошедшую жизнь, анализируя ошибки и удачи. Черта с два: в данный момент в голове вертелась лишь одна мысль: удержаться, любой ценой удержаться на вытянутых руках, подтянуться и... Эх, зря он пренебрегал физическими упражнениями, а ведь еще не стар и вполне смог бы выполнить этот нехитрый трюк, если бы не был более привычен к гладкой, кожаной поверхности руля своего «Мерседеса», чем к не менее гладкой перекладине штанги!

Еще один ноготь приказал долго жить. Он висел всего несколько секунд, но в воспаленном от ожидания приближающейся смерти сознании они рас-

тянулись на минуты или даже часы. Он мог сколько угодно кричать и звать на помощь — никто не услышит, ведь в офисах никого нет, а до улицы целых двадцать три этажа. А наверху и... Он поднял голову... и... Руки соскользнули с отполированного дождем карниза.

Само падение, в отличие от его ожидания, было коротким.

* * *

Пятьдесят пять... Что ж, чуть меньше чем через месяц это произойдет, и никуда не денешься. Мне всегда казалось, что я буду готова, когда этот день настанет, — ан нет, поди ж ты, совершенно не готова! Помню, на пороге тридцатилетия я думала, что страшно постарела, перед сорокалетием меня несколько дней сотрясала мелкая дрожь, а когда стукнул полтинник, я было решила, что теперь ничто подобное мне не грозит — и вот, на тебе...

Глядя в трехстворчатое зеркало, трельяж, я внимательно изучала свое лицо. Сильно ли оно изменилось за последние пяток лет? Все, кто меня знает, в один голос утверждают, что нет, только почему-то по мере приближения очередного юбилея их голоса становятся все громче, и я улавливаю в их тоне некоторую неискренность. Может, конечно, придумываю, боясь поверить в правдивость тех, кто меня любит? Кожа у меня гладкая, как у сорокалетней, — тут уж я ничуть не грешу против истины. Думаю, дело в генах, но нельзя сбрасывать со счетов и постоянный уход за собой, которому я всегда уделяла много внимания. Глаза... Веки, пожалуй, с возрастом стали тяжеловаты. Не пора ли подумать о пластической операции? Еще десять лет назад я и представить себе не могла, что подобная мысль

когда-нибудь зародится в моей голове! Но если немного подтянуть веки, то мои большие серо-голубые глаза, не потерявшие своей яркости, станут более выразительными. Вранье, что женщину годы красят — они не красят даже мужчину, за исключением некоторых редких представителей человечества, страшненьких в молодости, но с возрастом приобретших лоск и стать. Годы убивают женщину, особенно красивую, какой я всегда себя считала без ложной скромности. Ценой невероятных усилий я умудрилась сохранить стройную фигуру и до сих пор влезаю в платья тридцатилетней давности. Что я для этого делаю? Стараюсь есть простую еду, минимум мяса и не допускать излишеств, хотя порой убить хочется за сдобную булку или шоколадку. Стоит ли это таких усилий? Глядя на большинство своих подруг, прихожу к выводу, что да: многие, к сожалению, давно махнули на себя рукой, заделавшись бабушками в прямом и переносном смысле. Ну, а я так просто сдаваться не собираюсь! Решено: пластическая операция, так пластическая операция.

В молодости я больше всего боялась состариться, но не потому, что потеряю привлекательную внешность. Когда перешагиваешь определенный возрастной рубеж, словно нажимается какая-то кнопка, и ты автоматически перестаешь быть интересной кому бы то ни было, за исключением нескольких самых близких — вот что по-настоящему страшно. Да и эти «самые близкие» ведут себя скорее снисходительно, нежели заинтересованно: твои суждения кажутся им побитыми молью, твои жизненные принципы, по их мнению, давно пора отправить на свалку истории ввиду безнадежной устарелости, и даже в поздравлениях пожелания «счастья в личной жизни и успехов в ра-

боте» сменяются тусклыми: «здоровья и долголетия». А что, о *личной* жизни и речи не идет? Я, между прочим, не замужем! Хотя, если уж начистоту, то я, так и не обретя статуса законной жены, никогда не мучалась по этому поводу. У меня две замечательные дочери и прекрасный сын, карьера, тучи благодарных пациентов и отличные друзья — чего еще можно пожелать на склоне лет? Возможно, любви? Я не слишком влюбчива по натуре и всегда предпочитала, чтобы любили меня. Сын родился, когда я еще училась в институте и лелеяла надежды на «нормальную» семью. Не сложилось. Его отец оказался слабохарактерным человеком, пошедшим на поводу у родителей, считавших меня недостойной парой для их «сокровища». Вспоминая себя, тогдашнюю, сейчас я склонна согласиться с их мнением. Я родилась в захудалом городишке под названием Гатчина, который, помимо дворца Павла I, больше ничем не знаменит. Жизнь там была скучная, и я класса с третьего дала себе слово непременно выбраться оттуда в Ленинград. Мама ломалась на трех работах, и я быстро поняла, что, если действительно хочу чего-то добиться в жизни, должна буквально прыгнуть через собственную голову. Какое счастье, что мне довелось родиться при Советской власти, — не приходилось размышлять о том, как на мамину скудную зарплату обеспечить себе образование! Школа наша была не хуже других, да и профессиональных учителей хватало. Однако знания, полученные за партией, не идут ни в какое сравнение с теми, что требуются для поступления в вуз. Мама всю жизнь проработала медсестрой, подрабатывая ночной сиделкой и уборщицей в местном психоневрологическом диспансере, чтобы прокормить меня и брата. Ее мечте стать врачом

не суждено было сбыться, а я решила во что бы то ни стало добиться того, что не удалось ей. На репетиторов, само собой, денег не было, и я долбала книжки сама. В те времена о компьютерах и Интернете даже не мечтали, так что библиотека, где я постепенно подружилась со всем персоналом, стала моим вторым домом. Естественно, я читала не только книги по химии и биологии — Сервантес, Дюма, Скотт, Остин, Голсуорси и Экзюпери скрашивали мою бедную событиями жизнь. Я всегда предпочитала иностранную классику русской, жизнь, описываемая зарубежными авторами, казалась гораздо более увлекательной, нежели в романах Достоевского и Толстого. Я воображала себя героиней то одного, то другого произведения, и, в отличие от сюжета, мне, а не мужчинам, доставались все почести и сокровища в конце истории. Но я не забывала и о профильных предметах: к концу девятого класса учительница химии, разведя руками, сказала маме:

— Простите, Наталья Ивановна, но мне нечему больше научить вашу дочь!

Это была чистая правда, ведь учебники давали столь поверхностную информацию о необходимых мне предметах, что поневоле приходилось искать ответы в других местах. Мама, признаться, не верила в то, что авантюра с поступлением в Первый медицинский в Ленинграде выгорит, но не пыталась меня отговаривать, понимая, что если что-то втемяшилось в голову ее дочери, то оттуда это уже ничем не выбить. Она только опасалась, как бы я, разочаровавшись, не потеряла вкус к жизни.

Боялась она напрасно: я поступила с первого раза. На экзамене по химии попала сложная задача. Я решила ее по-своему, и экзаменатор не понял, как мне это

удалось, не используя половину формул, необходимых в подобных случаях, — я их просто не знала. Он потребовал подробных объяснений, после чего спросил, что я получила за сочинение. Ответила, что четверку, и он, пожевав нижнюю губу, сказал сокрушенно:

— Я ставлю вам «пять», но, учитывая, что предстоят еще математика и биология, вы вряд ли поступите: конкурс слишком велик.

Сейчас такое заявление однозначно звучало бы как намек на внесение некоторой суммы «в фонд вдов и сирот» института, но тогда ни о чем подобном я и подумать не могла — другие времена, иные нравы. Я набрала восемнадцать баллов, но много оказалось «блатных» абитуриентов, правдами и неправдами набравших все двадцать. Я поняла, что рассчитывать мне не на что. В списках поступивших моя фамилия отсутствовала, однако, когда я, опустив голову, понуро плелась к выходу мимо деканата, секретарша схватила меня за руку.

— Ты, что ли, Саянова будешь? — требовательно спросила она.

Я удивленно кивнула.

— Ну да, он так тебя и описал: говорит, глазищи татарские, раскосые, и волосы как пепел, — закивала она, с интересом меня разглядывая. Под этим взглядом я поехала: еще никогда меня не рассматривали так пристально. — Поступила ты, Саянова, во как!

— Как — поступила? — пролепетала я. — В списках...

— Твою фамилию внесли в последний момент, — перебила секретарша. — Евгений Яковлевич сказал, что ему нужен хотя бы один подающий надежды студент, иначе работать просто не с кем!

Позднее я выяснила, что таинственный Евгений Яковлевич как раз и принимал у меня экзамен по химии и именно благодаря его восторженным рекомендациям я попала в институт.

На первом курсе я оказалась в одной группе с Пашей Гавриловым, сыном академика Олега Гаврилова, лауреата всевозможных премий и автора научных трудов по акушерству и гинекологии. Мать Павла также была врачом, таким образом, он являлся потомственным медиком, которому заранее обеспечено большое и светлое будущее. До сих пор не знаю, была ли я влюблена в Пашку, или меня заворожила аура благополучия, парящая над его головой, — в любом случае, я «залетела» в конце второго курса. Родители незадачливого любовника пришли в ужас: как, девочка-лимитчица, ни кола, ни двора... Мамаша, Антонина Сергеевна, лично прискакала ко мне в общагу, и у нас состоялся разговор в духе сценки из фильма «Москва слезам не верит». Она настаивала на аборте, я категорически отказалась, но пообещала, что никаких «притязаний» на ее сына иметь не буду. Грусливое поведение Павла здорово поколебало ореол святости, который раньше я ему ошибочно приписывала, поэтому легко дала это обещание. Его мать, правда, оказалась намного порядочнее и, поняв, что аборт я делать действительно не собираюсь, помогла найти хорошего гинеколога для наблюдения за беременностью. Интересно, что по мере роста моего живота мы с Пашкой совершенно перестали общаться, тогда как Антонина Сергеевна, напротив, позванивала, интересуясь моим самочувствием. Думаю, ее подкупил тот факт, что я, как сумасшедшая,

продолжала вгрызаться в учебу несмотря на свое состояние. Так продолжалось до самых родов — увезли меня прямо из института, но только после того, как я на «отлично» сдала экзамен. Подозреваю, «отлично» мне залепили со страху — вдруг рожу прямо в аудитории? Из роддома меня встречали подруги и... Антонина Сергеевна с огромным букетом и вышитым голубеньким одеяльцем для внука!

...За окном затормозила машина. Я сразу поняла, что приехал Влад, — всегда с легкостью узнаю звук его машины. Ну, точнее, не сам звук, а то, как он подъезжает к парадной, постепенно сбавляя скорость, глушит двигатель, через сколько секунд выходит из авто, аккуратно прикрыв дверь. Так как живу я на втором этаже, то слышу такие вещи. Выглянув из окна, я увидела, что не ошиблась, и уехала обратно — у Влада свой ключ.

В этой огромной квартире мы обитаем вместе с младшенькой. Комнат всего три, но зато — сто восемьдесят квадратных метров! И все это она заработала сама с небольшой моей помощью от продажи «двушки» в сталинском доме. Дашутка — адвокат по уголовным делам — удивительное исключение среди моего потомства, как и я, предпочитавшего карьеру в медицине.

Поворот ключа в замке и громкий лай Бони возвестили о том, что Владик дома.

— Мам?

— Я тут.

Входит и внимательно смотрит на меня, будто видит впервые или после долгого отсутствия.

— Что-то ты зачастил, — говорю вроде как недовольно.

На самом деле я всегда рада его видеть, но в последнее время Влад заходит чуть ли не каждый день — волнуется, как бы я на пороге юбилея не выскочила из окошка, наверное. Если вдуматься, дурацкая идея: второй этаж, в худшем случае ноги переломаяю.

Подходит и обнимает меня. Наши глаза встречаются. Какой же он красивый, мой сын: высоченный (сто девяносто), подтянутый, темноволосый — весь в Пашку Гаврилова, тот тоже красавцем был. Хотя почему — был? Слава богу, жив-здоров, доктор наук, академик, как папаша. С сыном у него отношения ровно-спокойные. До окончания школы Влад общался только с бабушкой, но потом Павел внезапно возник в его жизни. Я считаю, это потому, что у него в семье лишь дочери, хотя могу и ошибаться, ведь люди меняются. Однако Влад ничего не забыл, поэтому особой теплоты в отношениях отца и сына нет. Глаза у него мои, чуть раскосые. Не знаю, откуда взялся этот «монгольский» разрез — при моих-то светлых волосах и бледной коже, хотя догадываюсь, что татаро-монголы тут ни при чем: мама как-то обмолвилась, что папин дедушка был с Ямала.

— О чем размышляем? — поинтересовался сын, целуя меня в мочку уха.

— О пластической операции.

— Что-о?!

Надо было видеть, как вытянулось его лицо при этих словах.

— Ты серьезно? — добавил он после паузы.

— Абсолютно. Смотри, вот тут... и вот здесь.

— Ма, ты с ума сошла — кто тебе подал такую нелепую идею?

— Вот это самое зеркало, — ткнула я пальцем в трехстворчатого «советника». — А чего ты, собственно, так переживаешь? Оксана все сделает, она ведь пластический хирург!

— Да Оксанка тебя первая убьет! — перебил он. — За одну только мысль... Послушай, мам, ты и так красивая — стройная, как девочка...

— Ага, — вздохнула я. — Сзади пионерка, а спереди — пенсионерка!

— Ма-а-а! — застонал Влад, поглаживая меня по плечу, словно я была упрямым ребенком, а он — заботливым папашей, пытающимся отговорить этого ребенка от совершения глупости. — Ты же сама врач, хирург с тридцатилетним стажем — как ты можешь не понимать, чем чреваты подобные «эксперименты» в тво...

— Вот! — воздела я палец к потолку, сведя брови на переносице. — Ты сам сказал: «в твоём возрасте»!

— Ничего такого я не говорил! — возразил он. — Не вкладывай мне в уста свои собственные слова, пожалуйста. Я только имел в виду, что наркоз — опасная штука!

Решив, что дальнейшее обсуждение смысла не имеет, я перевела разговор на другую тему.

— Есть будешь?

— Мы не договорили.

— Успеем — я никуда не уезжаю. Тебе борщ или грибной?

— Гриб... Нет, борщ, пожалуй.

Жена Влада, Полина, благослови ее бог, за тринадцать лет их совместной жизни так и не научилась готовить. Поначалу я пыталась передать ей свои знания и опыт, но через некоторое время поняла, что не